

Библиографический указатель / сост. П.С. Кабытов, П.И. Савельев. Куйбышев, 1984; др.

4. Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958.
5. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. (автор Г.Т. Хусаинова); др. энциклопедии.
6. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. 372 с.
7. Усманов Х.Ф. Осуществление столыпинской аграрной реформы в Башкортостане // Аграрная реформа П.А. Столыпина и современность. Уфа, 2002.

Н.А. Курсков

Самарский государственный университет

САМАРСКИЕ ХУТОРЯНЕ И ОТРУБНИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КОМИТЕТОВ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В 1917 ГОДУ

Понятия «хутор» (хуторяне), «отруб» (отрубники, отрубщики) в русском сознании начала XX века неразрывно связаны с государственной аграрной политикой, олицетворением которой стал выдающийся русский государственный и реформатор П.А. Столыпин. Суть понятий сводится к формам землепользования. Отруб – участок, выделенный из общинной (надельной) земли в единоличную крестьянскую собственность; в отличие от хутора – без переноса усадьбы. В Самарской губернии отруба и хутора были созданы в период реализации аграрной реформы (9 ноября 1906 – 28 июня 1917). По статистике землеустроительных комиссий к началу 1916 года, за год до февральских событий, в Самарской губернии насчитывалось 91044 отрубов, занимавших земельную площадь в 2011515 десятин [1, с. 69]. Крестьяне-общинники, составлявшие деревенское большинство, воспринимали хуторян и отрубников в «штыки». В общинной деревенской среде за ними закрепилась кличка «новые помещики». «Новое» понятие зазвучало со страниц газет и журналов [2]. Общинники сопротивлялись обособлению хуторян и отрубников. У них оставалось много возможностей воспрепятствовать намерениям «выходцев»: от отказа принимать решения на сельском сходе до угроз и физического насилия [3, с. 197].

Политические цели столыпинской аграрной реформы были направлены на усиление позиций в деревне состоявшихся крестьян и «крепких» земледельцев. Для большинства крестьян-общинников это было неприемлемо – реформа не затрагивала помещичьего землевладения, которое было главным объектом их вожделий. «Мы – ваши, но земля – наша», твердили поколения крестьян с крепостнических времен. Однако реформирование крестьянской общины с 1906 года началось и неуклонно продвигалось. Актором изменений был П.А. Столыпин. Он не только создал законодательные основы аграрной реформы, но был администратором и инспектором перемен. Это требовало неординарного поведения, особой публичности. Столыпин вел себя уверенно, неутомимо, незаурядно. С правительственных «высот» он мог решительно спуститься в гущу деревенской жизни, как, например, летом 1910 года, за год до своей трагической гибели. В рамках программы инспекционной поездки в Западную Сибирь Столыпин посетил Самарскую губернию и осмотрел несколько землеустроенных селений, отдаленных от губернского центра на 150 верст. Он проехал по территории Степно-Шенталинской, Кошкинской, Александртальской, Елховской волостей Самарского уезда, побывал в селениях Грачевка, Кошки, Александрталь, Борма. В этих вполне глухих уголках империи нога такого сановника никогда прежде не ступала. Особенно сильное впечатление встреча с премьер-министром русского правительства произвела на немцев-меннонитов в колонии Александрталь на Кондурче. Правительство Александра II в 1850 годах, накануне отмены крепостного права, предложило меннонитам, имевшим практический опыт личного хозяйствования в земледелии, поселиться на землях внутренней окраины империи. Правительство стремилось создать наглядный пример ведения индивидуального крестьянского хозяйства. Свидетельство о встрече с П.А. Столыпиным оставил потомок местного пастора Бернхард И. Гардер. Отмечая необычное явление в истории колонии Александрталь весной 1910 года, Гардер вспоминал: «...Свиту составляли министр сельского хозяйства, губернатор Самары, другие высокие чины. Столыпин... хотел ознакомиться с колонией в Александртале, осмотреть русские хуторские хозяйства, возникшие после его земельной реформы. <...> В колонии для встречи... был организован специальный комитет. В Александрталь колонисты везли Столыпина в экипаже, запряженном четырьмя породистыми лошадьми. Остановились у волостного Правления. Конный полицейский отряд, сопровождавший гостя, занял посты вокруг здания. Однако начальник полиции снял караул, заметив: “Среди этих немцев охрана не требуется”».

Премьер-министра приветствовал волостной старшина и пресвитер общины <...> С пресвитером Столыпин разговаривал по-немецки. Когда премьер поднялся по ступенькам в правление, хор исполнял русский национальный гимн. обстоятельная беседа в правлении касалась подробностей организации поселения, благосостояния, налогообложения, общего экономического положения. Увиденное произвело на премьер-министра [благоприятное] впечатление, он выразил признательность и изъявил желание посетить несколько дворов колонистов. <...> Следующей целью его путешествия было русское село Борма, в котором после упразднения общественного (общинного. – Н.К.) землевладения возникло несколько единоличных крестьянских дворов» [4, с. 47]. К сожалению, из «аборигенных» крестьян никто не оставил воспоминаний об этом событии. Верстах в 40 от железнодорожной станции Кошки (Погрузная) находилось имение Чулпаново (Старо-Максимкинская волость Казанской губернии), принадлежавшее супруге Столыпина, О.Б. Сазоновой. Столыпин управлял имением лично и побывал здесь в 1899 и 1904 годах [5, с. 72, 83–94 и др.]. В 1930-х годах на бывшей «стольпинской» земле был создан колхоз, названный именем Ленина. Мельницу «Сазонихи» тоже коллективизировали. Молола мельница недолго – сломалась.

Необходимость аграрной реформы Столыпиным была глубоко осознана, стала убеждением. Наиболее ярко он обрисовал ее мотивы в речи перед членами Государственного совета в марте 1910 года. Поясняя принципиальную точку зрения правительства, он напомнил, «в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник». «Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели и догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия; когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель», – говорил Столыпин. Диагноз, по его мнению, состоял в том, что смута политическая и революционная, поднятые неудачами России в войне с Японией, «начали пускать корни в народе, питаясь смутною гораздо более серьезною, смутною социальною, развившеюся в нашем крестьянстве». Отсюда, полагал Столыпин, «следовал вывод: необходимо уничтожить первопричину – сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения». «Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию», – подчеркивал он. И «одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальною аграрною реформою политические реформы могли получить

жизнь, силу и значение» [6, с. 134; 7]. Последовательность преобразований, отстаиваемая Столыпиным, была принципиальной. Четыре года, прошедшие с начала реформы, позволили Столыпину подвести некоторые итоги: «...Более 10 млн дес. общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тыс. заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1,4 млн дес. уже отведенных к одним местам (отруба, хутора. – Н.К.). Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, подчеркнул он, чтобы засвидетельствовать перед Вами, что значит живая, неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства» [6, с. 137; 7, с. 139]. Однако «свободная воля русского крестьянства» не выдержала испытания Второй русской смутой 1917 года. В 1914 году, как и в 1905-м, ускорение в «недолеченную» по столыпинским рецептам русскую смуту внесла Первая мировая война. В России случилась февральская революция. 2 марта 1917 года император Николай II Романов был принужден отречься от престола. Из недр Государственной думы из частного совещания немногих депутатов «выросло» Временное правительство. К власти поднялись бывшие оппозиционеры – земские либералы, октябристы, конституционные демократы (кадеты). В столице возникло рабоче-солдатское «правительство» – Совет рабочих и солдатских депутатов, прибежище российских «политиков» революционного «крыла». Образовался Совет крестьянских депутатов. В стране возникло несколько центров власти. Временное правительство обещало довести страну до Учредительного собрания. Оно предполагало, что депутаты Учредительного собрания, избранные всеобщим народным голосованием, выработают новую стратегию развития страны, предложат решения по вопросам войны и мира, государственного строя, аграрному, рабочему, местному самоуправлению. «Забурлили» демонстрации, манифестации, митинги, съезды. Создавались новые органы власти в губерниях. Обновлялось земство. Наступила эра «демократии», о которой большинство населения страны – крестьянство и рабочие – имело невнятные представления.

Влиятельным центром власти в Самарской губернии в 1917 году стал Комитет народной власти. К концу апреля он обрел формальные признаки губернского. 21 апреля в его состав вошли представители комитетов народной власти всех семи самарских уездов. Начало новой губернской власти, как и в столице, положило частное совещание гласных Самарской городской думы 1 марта. Инициаторов перемен было всего четырнадцать. Они создали из гласных Самарской городской думы прежнего состава ядро новой власти в Самаре – революционной. В подражание столичному думскому образцу новый орган власти был назван даже лексически подражатель-

но – Особый Временный городской Комитет Общественной безопасности. В состав ОВГКОБ по своей инициативе вошли представители самарского Совета рабочих депутатов; затем – солдатских и крестьянских. С 4 марта Комитет, формально оставаясь городским, стал именоваться Комитетом народной власти. В Общем заседании 4 марта, в присутствии многочисленной самарской публики, Комитет избрал губернского комиссара. 5 марта губернский комиссар был назначен указом Временного правительства и стал представителем новой центральной государственной власти. Временным правительством губернским комиссарам были переданы функции прежних губернаторов. Впервые в истории губернии губернатор не был назначен, но – избран. Пост губернского комиссара Временного правительства занял главный самарский земец, председатель губернской земской управы К.Н. Иньков (кадет). В июне в губернском земстве произошла новая губернская «революция»: состав губернского земского собрания был радикально демократизирован. Из состава земских гласных были исключены дворянские цензовые гласные. Их места, в основном, заняли представители крестьян. Председателем новой губернской земской управы земцы избрали члена губернской ПСР М.П. Благодатного (эсер). В июле член самарской ПСР С.А. Волков сменил К.Н. Инькова на посту губернского комиссара. Благодатный и Волков покинули свои должности под угрозой насилия со стороны самарского Ревкома, созданного вслед за столичным, при поддержке солдат местного гарнизона и самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором лидировали местные большевики. Губернский Комитет народной власти, исполнявший на самарской политической сцене роль гаранта демократических преобразований подобно Временному правительству, пережил четыре кризиса, каждый раз обновляя свой состав все более радикальными самарскими «политиками». Комитет возник как коалиционный. Это верно как с точки зрения партийного, так и социального представительства. В состав Комитета входили кадеты, эсеры, энесы, социал-демократы, меньшевики и большевики; по социальному составу – «интеллигенты», землевладельцы, предприниматели, рабочие, солдаты, крестьяне. Большинство мест принадлежало крестьянам, лидирующая роль – самарским социалистам-революционерам. Самарская буржуазия лидировала в самарской муниципальной революции лишь первые четыре дня, 1–4 марта. Непосредственно партийного представительства, за исключением первого мартовского состава, в Комитете не было. В его состав через представительство Советов общественных организаций, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов входили местные партийные деятели, включая социал-демократов-большевиков (эсдеков).

В апреле 1917 года, после демонстративного ухода из Комитета самарских кадетов, его формально игнорировали и большевики. Самарский губернский Комитет народной власти и его исполнительный комитет (самарское губернское правительство) просуществовал до 22 ноября 1917 года. Большевики, несмотря на бойкот, принимали участие в его заседаниях. В ноябре в состав Комитета входил большевик В.К. Блюхер. В Комитете народной власти преобладали социалисты-революционеры. Усиление их роли в разработке политики управления губернией стало заметным с середины апреля. Пик авторитета Комитета в губернии выпал на долю его второго коалиционного состава, работавшего с июня по август. Именно с деятельностью этого состава, впрочем, как и третьего (август–декабрь), связана демократизация политической жизни в губернии – создание демократических земских самоуправлений в уездах и волостях, выборы городских дум, выборы депутатов в Учредительное собрание, создание новой власти в деревне, аграрная реформа. Октябрьские события в столице внесли коррективы в управляемость демократическими процессами в губернии. Борьбу за власть с Комитетом народной власти с конца октября открыто начал Совет рабочих и солдатских депутатов, создавший чрезвычайный орган власти – Революционный комитет (Ревком). Борьба за власть продолжалась до февраля 1918 года. Самый многочисленный и влиятельный в самарской деревне из губернских советов, Совет крестьянских депутатов, был противником узурпаторской политики солдатско-рабочего большевистского Ревкома. Однако, как показало развитие событий в 1917–18 годах, численность не есть решающий фактор в борьбе за власть.

Политические позиции Комитета народной власти выработывались на губернских крестьянских и всесословных съездах, исполнявших роль губернского «парламента». Вторжение в сферу аграрной политики Комитет народной власти осуществлял в соответствии с решениями губернских крестьянских съездов. Наиболее значимыми для выработки новой аграрной политики в 1917 году стали решения Второго (май–июнь) и Третьего (август) губернских крестьянских и всесословных съездов [8]. Их стостраничные типографски отпечатанные протоколы зеркально отразили ход заседаний. Протоколы были отпечатаны в земской типографии и направлены во все волости губернии. Корректность изложения заседаний съездов в протоколах никогда и никем не подвергалась сомнению. Программу новой аграрной политики в губернии принял Второй губернский крестьянский съезд. Следуя «Наказам» волостных делегатов – крестьян-общинников, – съезд выработал времен-

ные до Учредительного собрания Правила землепользования в губернии. В специальном постановлении съезд заявил о главенстве губернских Временных правил землепользования над всеми иными распоряжениями иных органов власти, включая Временное правительство. Съезд объявил Правила законом, которому должны были следовать землевладельцы и землепользователи в губернии. Суть Правил состояла в передаче волостным комитетам народной власти или комитетам земельным права распоряжаться пахотными землями губернии на один посевной год, прежде всего землями помещиков, которые прежде арендовались крестьянами-общинниками. Арендная плата была отменена. П.Д. Климушкин, «творец» новой аграрной политики в губернии в 1917 году, отмечал, что съездовским социалистам-революционерам с трудом удалось убедить членов Земельной комиссии исключить из перечня земель, поступающих в распоряжение комитетов, земли частновладельческие крестьянские, т.е. отрубников и хуторян.

Другое «революционное» решение всесословного съезда касалось новой схемы организации власти в губернии. Властью был провозглашен съезд. Комитеты народной власти стали «приказчиками» съезда. Съезд уточнил их компетенцию. Съездовцы исходили из того, что власть останется в руках комитетов народной власти до завершения демократических выборов нового земского самоуправления и создания нового земства в волостях. Процесс земских выборов был завершен в губернии лишь к середине октября. Оставались выборы в Учредительное собрание. Выборы прошли в условиях, отягченных октябрьским переворотом.

Третий губернский крестьянский и всесословный съезды уточнили Правила землепользования в губернии и приняли для руководства в земельном вопросе «Инструкцию земельным комитетам». К середине лета были созданы специальные комитеты – земельные. От Комитетов народной власти земельные комитеты отличались статусом. Земельные комитеты создавались как государственные. Сотрудники земельных комитетов были поставлены на содержание казны. Инструкция, принятая Третьим Самарским губернным съездом, содержала пункт о пределах наделных и вненаделных земель. В губернии было немало волостей, в которых помещичьих имений не было. Но были многоземельные отруба и хутора. При определенных обстоятельствах, которые оговаривались в Инструкции, допускалась передача в ведение комитетов земель общинников, отрубников, хуторян для наделения малоземельных крестьян-общинников. В сентябре под озимый посев

во многих волостях губернии такие переделы были проведены. В этот передел впервые попали земли александртальских и константиновских немцев, в «образцовых» владениях которых семь лет назад столь радушно принимали П.А. Столыпина, бывшего премьера бывшего царского правительства.

Статистика аграрных правонарушений, составленная на основе опубликованных и неопубликованных архивных источников, позволяет сделать ряд наблюдений над развитием динамики вожделений крестьян-общинников в стремлении завладеть земельной собственностью землевладельцев – самарских помещиков, купцов, крестьян-отрубников, хуторян. Земли по неотмененному революцией прежнему праву формально принадлежали владельцам. Общинники считали ее Божьей и больше ничьей. Это убеждение фундаментально характеризовало сознание общинников. Современные исследования ментальных аспектов поведения участников аграрного движения, в частности на материалах Самарской губернии, позволили вскрыть глубинные, первобытные пласты социальной психологии подобного типа [9]. П.А. Сорокин называл их «базовыми инстинктами» [10, с. 271–272]. С точки зрения, которую отстаивало центральное Временное правительство, «противоправные действия» самарских крестьян-общинников количественно выглядят непечатляюще. Крестьян в губернии насчитывалось более 3 млн, а совершенных ими правонарушений в земельной сфере – немногим больше 120. В море крестьянских волостей, хозяйств и дворов цифры правонарушений действительно выглядят более чем скромно. Однако сведения Главного управления Министерства внутренних дел Временного правительства о положении дел в Самарской губернии в 1917 году не соответствовали реальности. Ситуация в самарской деревне, если исходить из официальной милицейской статистики того времени, вполне спокойная: с марта по сентябрь 1917 года в аграрной сфере зарегистрировано всего 127 правонарушений. Наиболее частые из них – захваты имений: 48; и захваты сенокосов и пастбищ: 21 [11, с. 363]. Центральное правительство имело недостоверную информацию о ситуации на местах. Статистика, выявленная по материалам центральной и местной прессы, сообщениям губернских, уездных и волостных комиссаров, фондов центрального (ГАРФ) и Самарского архивов (фонды комитетов народной власти, земельных, продовольственных комитетов, земств), хроник событий, позволяет реалистичнее выявить масштаб местной смуты. В сравнении с данными МВД Временного правительства количество правонарушений, со-

вершенных крестьянами-общинниками против помещиков и «новых помещиков» – хуторян и отрубников, возрастает в разы. Против помещиков противоправных действий крестьянами Самарской губернии в 1917 году совершено 965, против хуторян и отрубников – 380; общее количество правонарушений в земельной сфере – 1345. Острые правонарушения направлено против помещиков. Значительная часть правонарушений отмечена летними и осенними месяцами – 858 (64 %). Это свидетельствует о том, что комитеты народной власти, по социальному составу общинно-крестьянские, активно реализовывали новую аграрную политику в земельном вопросе. Во всех уездах губернии общинники следовали решениям крестьянских съездов и политике Самарского губернского Комитета народной власти, сформированного июньским губернским всесословным съездом. Землепользование хуторян и отрубников в губернии в период с марта по ноябрь 1917 года было разрушено частично более чем в 60 волостях (волостей в губернии – 330); полностью ликвидировано в границах более чем 77 сельских обществ (подсчитано по названным источникам. – *Н.К.*). Расправиться с помещицей и крестьянской отрубной и хуторской земельной собственностью окончательно общинникам удалось лишь весной 1918 года, уже при советско-большевистской власти. О съездовской крестьянской «демократии» к тому времени крестьяне не упоминали. Вождем «землица» затмила сознание и опыт. Помещичьи имения, хуторские и отрубные земли были уравнительно переделены. Серьезного экономического эффекта эта мера не дала. Через три года Самарская губерния погрузилась в апокалипсический голод. Между тем на «скромных» успехах столыпинской земельной реформы, о крахе которой в недавнем прошлом навязчиво повествовали историки-пропагандисты, губерния в смутные 1917–1921 годы держалась относительно безголодно. После голода 1921 года к опыту столыпинского землеустройства, как к спасительной панацее, коммунистическая власть вынужденно вернулась, называя свою политику «новой экономической политикой» (НЭП). Имя П.А. Столыпина не упоминалось. Но советское земельное законодательство 1922 года вновь предусматривало поселковое («хуторское») землеустройство. Понятие «хутор» не звучало, хутор стал именоваться поселком. В 1926 году землеустроенных поселков в Самарской губернии (хуторов коллективного типа) насчитывалось 1086 [12, с. 6]. Впрочем, статистика восстановленных и вновь созданных землеустроенных поселков в губернии значительно ниже той, в

которой отразились разрушения периода «военного коммунизма». Новая аграрная политика комитетов народной власти в 1917 году в сравнении с советско-большевистской политически была более сдержанной и социально-экономически более эффективной.

Библиографический список

1. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
2. Маслов П. Новые помещики // Новая жизнь. 1912. № 5.
3. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
4. Гардер Б. Александрталь / пер. с нем. Э. Маттисса. Геттинген, 1956.
5. Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.
6. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1910.
7. Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992.
8. Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. Самара, 1917; Протоколы заседаний 3-го Самарского губернского крестьянского съезда [с 20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского Всесословного съезда [с 22 по 26 августа 1917 г.]. Самара, 1917; См. подробнее: Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах. (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
9. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
10. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
11. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
12. Спектор Г.В. Землеустроенная деревня. Опыт хозяйственно-экономического обследования. Самара, 1926.